

конца, откуда всыпается порохъ приධланы тоненькия пластинки, которые, входя въ середину патронной гильзы, не даютъ пыжу задѣшиться не только за концы гильзы, но даже и за стѣнки гильзы, хотя бы и помятой. Часто случается, въ особенности при охотѣ на звѣря, класть пыжъ калибромъ больше, но и въ этомъ случаѣ пыжъ доходитъ до пороха не портя гильзы. На дробь же я кладу пыжъ калибромъ меньше и по вынутіи гильзы изъ трубки насыпаю дробь; пыжъ на дробь я кладу изъ тонкаго жесткаго кардона. До сихъ поръ я еще не встрѣчалъ надобности ни въ какой машинѣ для снаряженія патроновъ. Такія трубки съ досылкой вѣроятно можно достать во всякомъ оружейномъ магазинѣ. Затрудненіе встрѣчается только при патронахъ Беккера, которые какъ то неравномѣрны и часто входятъ въ трубку съ трудомъ. Поэтому гильзы эти, въ особенности стрѣленныя, прежде чѣмъ насыпать въ нихъ порохъ, слѣдуетъ перепробовать—входить ли онъ въ трубку или не входятъ.

В. Н. И.

Что такое коршунъ голубоногій (*Milvus glaucopus Eym.*). 25 сентября прошлаго года въ рощѣ за Ураломъ около самаго Оренбурга вечеромъ я увидалъ птицу очень похожую на обыкновеннаго коршуна (*Milvus ater*), которая сидѣла на сучкѣ высокаго дерева и повидимому спала. Я выстрѣлилъ въ нее и она раненая упала. Кто представить мою радость, когда по голубымъ обнаженнымъ частямъ ногъ и восковицѣ я узналъ въ ней рѣдкаго голубоногаго коршуна! Кто пойметъ мое желаніе, чтобы она осталась живою и дала бы возможность наблюдать себя вблизи! Съ раздробленными крыльями и пробитою височною костью (*Os mastoideum*) она имѣла мало шансовъ выздоровѣть. Но крѣпкая организація, свойственная всѣмъ хищнымъ пернатымъ, переселила тяжелыя раны: рѣдкая птица черезъ нѣсколько дней оправилась и стала принимать предлагаемую пищу. Съ наслажденіемъ и любовью разсматривалъ я свою плѣнницу. Но чѣмъ болѣе знакомился съ нею, тѣмъ сильнѣйшее и сильнѣйшее сомнѣніе возбуждалось во мнѣ касательно того вида, къ которому она несомнѣнно принадлежить, принимая видовые отличія, предложенные Эверсманномъ.

Въ теченіи болѣе чѣмъ двадцатилѣтнихъ изслѣдований своихъ въ Оренбургскомъ краѣ Эверсманъ добылъ лишь два экземпляра голубоногаго коршуна: одного съ Усть-Урта, близъ бывшаго Ново-Александровскаго укрѣпленія, другого около Норъ-Зайсана. Они то и послужили ему основаніемъ для установленія новаго вида. Оба образца, 1-е и 2-е измѣненіе, какъ называетъ ихъ Эверсманъ, рѣзко отличаются другъ отъ друга по цвѣту оперенія и имѣютъ главными общими признаками цвѣтъ цѣвки, ступни и восковицы. „По пропорціямъ частей, формѣ клюва и хвоста, этотъ коршунъ совершенно походить на обыкновеннаго коршуна, и поэтому, можетъ быть, что

онъ ничто иное, какъ только очень замѣчательное измѣненіе его⁴ (Ест. Ист. Оренб. края. Часть III. Эверсм.), говорить Эверсманнъ и тѣмъ самымъ выражаетъ нѣкоторое сомнѣніе относительно видовой самостоятельности открытой имъ птицы.

Обращаюсь теперь къ своему экземпляру. Онъ соединяетъ въ себѣ нѣкоторые главные признаки, свойственные тому и другому виду, и составляетъ связующее звено между ними, звено столь тѣсное, что видъ, къ которому принадлежитъ голубоногій коршунъ, можно назвать на степень простой разновидности обыкновенного коршуна. Моя птица восполняетъ недостатокъ послѣдовательныхъ переходныхъ формъ между крайними и, какъ видно будетъ дальше, исключаетъ существенность главного видового признака: (цвѣтъ ногъ и восковицы), что при современныхъ взглядахъ на видъ и разновидность можетъ послужить критеріумомъ отличенія того отъ другого. Это отчасти оправдывается какъ различiemъ обоихъ измѣненій, изъ которыхъ второе тѣснѣе связывается съ нею, чѣмъ первое, такъ и чрезмѣрною рѣдкостью появленія нашей птицы. Эверсманнъ, располагая большими средствами для изученія природы Оренбургскаго края, имѣя возможность посыпать коллекторовъ въ ту или другую сторону, при всемъ томъ добылъ себѣ лишь два экземпляра голубоногаго коршуна.

«*Cera pedibus coerulecentibus, remigibus base albis; cauda subforcipata*», опредѣляетъ Эверсманнъ во главѣ описанія и этими словами безусловно относить и мою птицу къ своему виду. Я уже сказалъ, что изъ двухъ измѣненій, которыя составляли для него видовые предѣлы, второе всего больше походить на него. Сходство это исчерпывается слѣдующимъ: длиною и формою тѣла, остротою шейныхъ головныхъ и брюшныхъ крупныхъ перьевъ, сильнымъ фиолетовымъ отблескомъ перьевъ спины, темно-бурымъ основнымъ цвѣтомъ верхней части туловища и меньшимъ распространеніемъ бѣлаго на внутреннихъ опахалахъ маховъ, сравнительно съ количествомъ его у первого измѣненія. Распространеніе бѣлага пивта на внутреннихъ опахалахъ маховыхъ перьевъ у моего образчика однако незначительно и на разстояніи двухъ дюймовъ, или около того, отъ основанія пера, цвѣта стушевываются, переходя въ тотъ колоритъ, который свойственъ нижней поверхности крыла обыкновенного коршуна. Но его ни въ какомъ случаѣ нельзя смѣшать съ окраскою свѣтлыхъ, бѣловатыхъ внутреннихъ бородокъ соответствующихъ перьевъ у послѣдняго.

Суммируя и оцѣнивая признаки, общіе моей птицы и коршуна обыкновенного (*Milvus ater*), получаешь больше сходства, чѣмъ различія. Величина тѣла (длина 22 дюйма, ширина 49 $\frac{1}{2}$ дюймовъ), сравнительное отношеніе отдельныхъ частей другъ къ другу, форма клюва и когтей, размѣры послѣднихъ, расположение щитковъ на цѣвкѣ

и пальцахъ — одинаковы у нихъ. Цвѣтъ оперенія также очень походить на опереніе обыкновенного коршуна, но только молодыхъ особей. Именно: голова ржавчато-желтая съ узкими на переднемъ краѣ лба и болѣе широкими кзади бурыми наствольными пятнами. Спина черно-бурая съ ржаво-желтыми концами перьевъ, Тѣло изъ послѣднихъ, которые лежать ближе къ шеѣ, на концѣ съ узкими черно-бурыми стержневыми пятнами. Зобъ, грудь и брюхо черно-бурые съ широкими ржаво-желтыми наствольными пятнами, безъ или съ очень узкой бурой полоской на стержнѣ. Штаны и подхвостье ржаво-буроватыя. Кроющія перья крыльевъ свѣтло-бурыя съ желтовато-ржавчатыми концами и бурой стержневой полоской. Малые махи, если разматывать сложенное крыло сверху, черно-черно-бурые, на концахъ ржавчатые. Перевязи хвоста, которыхъ число достигаетъ девяти, неясны, а на крайнихъ руляхъ даже совершенно растущеваны и слиты съ общимъ грунтомъ. Относительно хвоста непремѣнно слѣдуетъ замѣтить, что онъ сѣровато-голубоватаго цвѣта съ свѣтло-бурыми концами перьевъ, чего мнѣ никогда не доводилось наблюдать у обыкновенного коршуна — давнишняго и хорошо мнѣ известнаго знакомца, и о чёмъ не упоминаетъ Эверсманнъ, описывая свои экземпляры. Онъ вырѣзанъ незначительно, такъ какъ крайнія рулевые перья лишь на восемь линій длиннѣе самыхъ среднихъ. Подобная величина вырѣза часто встрѣчается и у обыкновенныхъ коршуновъ, недостигшихъ половой зрѣлости.

Къ дополненію сходства скажу, что голосъ моей нтицы, которая издаетъ его напримѣръ тогда, когда берутъ ее въ руки, или когда она сильно испугается чего нибудь, ничѣмъ не отличается отъ крика обыкновенного коршуна.

Резюмируя все сказанное мною здѣсь, я прихожу къ тому заключенію, что видовая самостоятельность голубоногаго коршуна болѣе чѣмъ сомнительна и что онъ есть дѣйствительно очень интересное видоизмѣненіе чернаго, обыкновенного коршуна.

Черезъ десять дней послѣ того, какъ я получилъ удовольствіе завладѣть рѣдкою птицею, я замѣтилъ, что спинка ея восковицы, прежде голубая, нѣсколько поблѣдѣла, а затѣмъ приняла желтоватый оттѣнокъ. Показываетъ ли это явленіе (что мало вѣроятно) преклонность возраста, подобно тому, какъ у сокола балабана (*Gierofalco lanarius*), у котораго голубая восковица съ теченіемъ времени дѣлается желтоватою, или что либо другое, я не берусь решить безъ дальнѣйшихъ наблюдений.

N.

Письмо въ редакцію. М. Г. Леонидъ Павловичъ. Въ редактируемомъ вами журналѣ, за іюль сего года стр. 61, помѣщено письмо г. Чекалова, въ которомъ проглядываетъ желаніе возвеличить оружейного мастера г. Іенча изъ г. Одессы. Смыслъ письма ясенъ,